

А. А. КАРА-МУРЗА

Герцен: В поисках русской личности

Для тех, кто связал свою жизнь с философским домом на Волхонке, 14 (будь то маститый ученый Института философии РАН или юный студент университета), Александр Герцен — особая фигура. Именно сюда, на Волхонку, в городской дом-усадьбу князя Сергея Голицына, молодой Герцен был вынужден в 1834–1835 годах регулярно, в течение многих недель, ходить на следствие созданной Высочайшим указом Особой комиссии по делу о неблагонадежной молодежи. Председательствовал князь Голицын — попечитель Московского учебного округа, а заседания Комиссии проходили в его рабочем кабинете на втором этаже. Внимательно перечитав вторую главу «Былого и дум», нетрудно понять, за что был арестован и впоследствии сослан Герцен. Прямых улик против него не было, и по существу он ответил за то, что не пошел на сделку со следствием: не стал предавать своих товарищей, сам не каялся и не просил пощады, хотя следствие активно предлагало ему это. Личная честь — вот залог индивидуальной свободы, а вовсе не формальная свобода, добытая путем предательства себя и других. Вот — то кредо Герцена, которому он остался верен всю жизнь.

1870 год — особый и в некотором смысле providentialный в истории России. В самом начале года в Париже

внезапно умирает Александр Герцен. И тут же в далекой России рождаются два человека, в итоге очень разные, но оба активно апеллировавшие к наследию Герцена. В Перми в семье генерал-губернатора рождается Петр Струве, а в Симбирске, в семье попечителя округа и тоже генерала, — Володя Ульянов. 140-летие обоих — Струве и Ульянова-Ленина — активно праздновали в России, правда, прямо противоположные общественно-политические силы. И для тех и других — и либералов, и радикалов Герцен является опорной фигурой. В чем тут дело?

В свое время большевистские пропагандисты немало преуспели в том, чтобы записать русское свободомыслие XIX века в собственную, коммунистическую родословную. Декабристы, Герцен, демократическое разночинство — все это, оказывается, было лишь необходимым прологом к появлению ленинского, а затем сталинского большевизма. Следует признать, что это было неглупо задумано и с усердием реализовано. Последствия подобной фальсификации ощущаются и сегодня: многие, относящие себя к либералам, к примеру, до сих пор с некоторым подозрением относятся к Герцену, смутно припоминая его критичный взгляд на современную ему Европу, а также приверженность некоей «русской общинности».

Действительно, ко всем несчастьям с наследием Герцена, к процессу дезориентации в истинном смысле его идей приложили руку и наши новейшие псевдолибералы. Причина этого состоит в том, что Александр Герцен, как никто, преуспел в демистификации русского западничества, замечу — изнутри европейского и либерального лагеря. Герцен — выдающийся самокритик либерализма и западничества — и тем самым человек для псевдолибералов и псевдозападников опасный.

Европа или не-Европа?

Еще в ранней работе «Двадцать осмое января» (1833) молодой Герцен задавался ключевым для цивилизационной идентификации России вопросом: «Принадлежат ли славяне к Европе?» и недвусмысленно отвечал: «Нам кажется, что принадлежат, ибо они на нее имеют равное право

со всеми племенами, приходившими окончить насильственной смертью дряхлый Рим и терзать в агонии находившуюся Византию; ибо они связаны с нею ее мощной связью — христианством; ибо они распространились в ней от Азии до Скандинавия и Венеции»*.

Но далее с необходимостью вставал другой вопрос: если существует славяно-европейское генетическое сродство, откуда так велико и разительно различие между наличной Россией и Европой? В той же работе 1833 года Герцен развивает мысль о том, что дело — в существенном отставании России во времени, обусловленном не только неблагоприятными ее факторами развития, но и чрезвычайно благоприятными факторами развития Европы. Среди последних Герцен, находившийся тогда под влиянием классической немецкой диалектики, особо выделял то обстоятельство, что, в отличие от России, развитие Европы протекало в условиях столкновения многообразных противоречий, которые и «высекали искры прогресса»: «Доселе развитие Европы была непрерывная борьба варваров с Римом, пап с императорами, победителей с побежденными, феодалов с народом, царей с феодалами, с коммунами, с народами, наконец, собственников с неимущими. Но человечество и должно находиться в борьбе, доколе оно не разовьется, не будет жить полной жизнью, не взойдет в фазу человеческую, в фазу гармонии, или должно почить в самом себе как мистический Восток. В этой борьбе родилось среднее состояние, выражающее начало слития противоположных начал, — просвещение, европеизм»**. Итак, только в борьбе противоречий и складывается прогресс, просвещение, европеизм, развитая цивилизация.

Двойственность России, таким образом, состояла в том, что, будучи по происхождению частью европейской цивилизации, она, лишенная исторического динамизма, «сложившаяся туго и поздно», не развилась в Европу. В силу особенностей своего географического положения

* Герцен А. И. Двадцать восьмое января // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 30.

** Там же. С. 31.

(«огромное растяжение по земле») и истории, Россия была более склонна к «восточному созерцательному мистицизму» и «азиатской стоячести»: «В удельной системе не было ни оппозиции общин, ни оппозиции владельцев государю <...>. Двухвековое иго татар способствовало России сплавить в одно целое, но снова не произвело оппозиции. Основалось самодержавие — и оппозиции все не было»*.

Эту же мысль об односторонности и дефицитности продуктивного противоречия в русской жизни Герцен впоследствии разовьет в работе «О развитии революционных идей в России» (1851): «В славянском характере есть что-то женственное; этой умной, крепкой расе, богато одаренной разнообразными способностями, не хватает инициативы и энергии. Славянской натуре как будто недостает чего-то, чтобы самой пробудиться, она как бы ждет толчка извне»**.

Петр Великий — «варвар-просветитель»

Именно здесь находил молодой Герцен разгадку того мощного цивилизационного импульса, который был задан российскому обществу преобразованиями Петра Великого — человека «с наружностью и духом полуварвара», но «гениального и незыблемого в великом намерении приобщить к человеческому развитию страну свою». Гений Петра, по Герцену, заключался именно в том, что он впервые породил в России оппозицию... в своем собственном лице: «Явился Петр! Стал в оппозицию с народом, выразил собою Европу, задал себе задачу перенести европеизм в Россию и на разрешение ее посвятил жизнь»***.

Принято считать, что Герцен долгое время был в России одним из лидеров «западнической партии». Но, как пред-

* Там же. С. 31–32.

** Герцен А. И. О развитии революционных идей в России // Герцен А. И. Собр. соч. в 30 т. Т. VII. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 154.

*** Герцен А. И. Двадцать осьмое января // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 32.

ставляется, изначальный выбор в пользу «западничества» был для него не столько рычагом односторонней и тотальной победы над «самобытниками», сколько способом наиболее результативного решения проблемы продуктивного синтеза в России «новации» и «традиции». Ведь не зря Герцен неоднократно подчеркивал двуединство комплекса «западничество-славянофильство» и то глубинно-общее, что объединяло «друзей-недругов»: «Головы смотрели в разные стороны — сердце билось одно».

По всей видимости, раннего Герцена не устраивала в «славянофильстве» вовсе не защита «традиции», как таковой, а неконструктивность упора на реанимацию порушенной и к тому же мифологизированной традиции, неспособность славянофилов продуктивно разрешить потенциально живительное противоречие «традиция-новация». Западник Герцен и сам не утаивал свою основную претензию к славянофильству: он видел в нем скорее «инстинкт» и «оскорбленное народное чувство», нежели полноценное «учение», и уж, тем более, «теорию». Поэтому и «западничество» для Герцена имело смысл не столько как партия, добивающаяся одностороннего выигрыша, но как более осмысленный (т. е. рациональный), чем у славянофилов, путь к достижению продуктивной интегральной формулы в конфликте традиции и новации. Ведь изначальная посылка русских западников, по мнению Герцена, исторически бесспорна: «Кнут, батоги, плети являются гораздо прежде шпицрутен и фухтелей». А потому более осмысленна и плодотворна и конечная цель «европейцев»: *«Европейцы <...> не хотели менять ошейник немецкого рабства на православно-славянский, они хотели освободиться от всех возможных ошейников»**.

Поэтому уже у молодого Герцена резко вычерчивается и критическая по отношению к Петру-реформатору линия: петровская практика «варварской борьбы против варварства» не в состоянии была обеспечить искомой «человеческой вольности». Насильственное озападнивание, европеизация *«из-под кнута»* ведет, по Герцену, не

* Герцен А. И. О развитии революционных идей в России. С. 234.

к свободе, а к утрате последних остатков русской свободы. Отсюда вывод: насильственное насаждение на Руси Европы не привело к европейскому результату — свободе личности. Как ранее «азиатская» безальтернативность давила русского человека, так и ныне реформаторская «безальтернативность», убившая потенциал животворного диалога нового со старым, также парализовала становление российской личности...

Но если Петр все-таки затеял с Россией сложный культурный эксперимент с определенными шансами на выигрыш, то его менее талантливые и творческие преемники быстро растранижили петровское наследие. Вместо насилия во имя все-таки просвещения, от петровского замысла осталось голое, бессмысленное насилие. В работе «Молодая и старая Россия» (1862) Герцен констатирует окончательное вырождение послепетровской государственности — не только в годы «николаевщины», но и «александровских метаний»: «В Петербурге террор, самый опасный и бессмысленный из всех, террор оторопелой трусости, террор не львиный, а телячий, — террор, в котором угорелому правительству, не знающему, откуда опасность, не знающему ни своей силы, ни своей слабости и потому готовому драться зря, помогает общество, литература, народ, прогресс»*.

Путь в Европу: искушения и ловушки

Нестандартность мышления Герцена состояла в том, что он — безусловный европеист по культуре — не страшился указывать на издержки и опасные следствия принудительной и потому поверхностной европеизации России. Отход Герцена от прямолинейного западничества не означал перехода в славянофильский лагерь. В отличие от славянофилов, Герцен до конца остался резким критиком допетровской Руси. Главным критерием его оценок оставался все тот же — наличие в обществе «свободы лица»: «У нас

* Герцен А. И. Молодая и старая Россия // Герцен А. И. Собр. соч.: В 8 т. Т. VIII. М.: Правда, 1975. С. 143.

лицо всегда было подавлено, поглощено, не стремилось даже выступить,— писал Герцен в работе «С того берега» (1849). «Свободное слово у нас всегда считалось за дерзость, самобытность — за крамолу; человек пропадал в государстве, распускался в общине»*. Но и петровское насаждение сверху европейских порядков не привело в России к существенному расширению личностной свободы. Герцен формулирует знаменитый парадокс, который потом очень часто использовался русскими антизападниками, но который свидетельствует лишь о последовательном либерализме Герцена, ставящего «человечность» выше формальной принадлежности к западной партии. По его мнению, человеческая личность в России оказалась стиснутой двумя формами несвободы — принудительной азиатчиной старой Московии и принудительным же европеизмом послепетровской России.

В огромной литературе о Герцене ключевым моментом эволюции его политических взглядов неизменно считается «разочарование в Европе». Что же так неприятно поразило при встрече с реальной Европой западника Герцена? В работе «Концы и начала» (1862) он сам написал об этом, и его умунастроение выдает в нем несомненного либерала: «...я с ужасом, смешанным с отвращением, смотрел на беспрестаннодвигающуюся, кишащую толпу, предчувствуя, как она у меня отнимет полместа в театре, в дилижансе, как она бросится зверем в вагоны, как нагреет и насытит собою воздух... Люди, как товар, становились чем-то гуртовым, оптовым, дюжинным, дешевле, плоше врозь, но многочисленнее и сильнее в массе. Индивидуальности терялись, как брызги водопада, в общем потоке»**.

По существу, Герцен уловил первые дуновения *грядущих тоталитарных форм* общества, возросших там, где европейские принципы свободы утрачивали свой иммунитет перед натиском «массового общества». Его размышления,

* Герцен А. И. С того берега // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. VI. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 15.

** Герцен А. И. Концы и начала // Герцен А. И. Собр. соч.: В 8 т. Т. VIII. С. 129.

кстати, были созвучны опасениям самих европейских либералов, например, современника Герцена — Джона Стюарта Милля. В своем знаменитом эссе «О свободе» Милль приходит к выводу о том, что в развитии каждого европейского народа, похоже, «есть предел, после которого он останавливается и делается Китаем». Культурное упрощение Европы, жизнь, заполненная не творческими стремлениями, а «пустыми интересами», приводит, согласно и Миллю, и Герцену, к «*новой китайщине*». Мещанская цивилизация, утрачивая былой импульс к развитию, может привести к полному стиранию человеческого лица, к всеобщей нивелировке, наподобие старой «азиатчины».

По сути дела, Герцен стал одним из первых европейских мыслителей, кто, задолго до Х. Ортеги-и-Гассета, Э. Фромма и Х. Арендт, подверг критике те явления, которые позднее были названы «*бегством от свободы*», и торжество которых породило в конечном счете европейские формы авторитаризма и тоталитаризма. Оказалось, быть европеистом — это не означает безудержно восхвалять «любую Европу». Ответственный европеизм — это в большой степени критика наличной Европы с позиций фундаментальных культурных первооснов Европы, и, в первую очередь — с позиции принципов «свободы лица» и личного достоинства.

Сам Герцен отлично понимал, что его постепенно накапливающееся критическое отношение к Западу может сыграть на руку противникам русского европеизма, но интеллектуальная честность была для него превыше всего: «Я знаю, что мое воззрение на Европу встретит у нас дурной прием. Мы, для утешения себя, хотим другой Европы и верим в нее так, как христиане верят в рай. Разрушать мечты вообще дело неприятное, но меня заставляет какая-то внутренняя сила, которой я не могу победить, высказывать истину — даже в тех случаях, когда она мне вредна». Герцен, однако, до конца жизни продолжал ценить Европу именно за это — за возможность *свободно высказывать истину*. Еще в начале эмиграции, в работе «С того берега» (1849) он писал друзьям о том, почему сознательно выбирает Европу: «Не радость, не рассеяние, не отдых, не даже личную безопасность

нашел я здесь... Остаюсь затем, что борьба — *здесь*, что, несмотря на кровь и слезы, здесь разрешаются общественные вопросы, что здесь страдания болезненны, жгучи, но *гласны*, борьба открытая, никто не прячется... За эту открытую борьбу, за эту речь, за эту гласность — я остаюсь здесь...»*. И далее Герцен формулирует принцип, который он пронес через всю жизнь и который позволяет говорить о его несомненной приверженности либеральной идее: «Свобода лица — величайшее дело; на ней и только на ней может вырасти действительная воля народа. В себе самом человек должен уважать свою свободу и чтить ее не менее, как в ближнем, как в целом народе»**.

Между либерализмом и демократией

А. И. Герцен принципиально различал «демократию» и «мещанство». Известные претензии Герцена — либерала и демократа одновременно — к либералам-охранителям сводились к тому, что те оказались не готовы к демократизации своих либеральных убеждений и фактически потакали «омещаниванию» и «новой китайской стоячести». Да, полагал Герцен, были времена, когда претензию на свободу личности высказывало лишь образованное меньшинство, и либеральный аристократизм был тогда естествен и оправдан: «Я не моралист и не сентиментальный человек; мне кажется, если меньшинству было действительно хорошо и привольно, если большинство молчало, то эта форма жизни в прошедшем оправдана. Я не жалею о двадцати поколениях немцев, потраченных на то, чтобы сделать возможным Гёте, и радуюсь, что псковский оброк дал возможность воспитать Пушкина». Но защитники привилегий узкого меньшинства (в том числе, и на свободу) оказались в тупике и смятении, когда на авансцену истории явился — «не в книгах, не в парламентской болтовне, не в филантропических разглагольствованиях, а на самом деле — ...работник с топором и с черными руками, голодный и едва одетый рубищем.

* Герцен А. И. С того берега // Герцен А. И. Собр. соч.: В 8 т. Т. III. М.: Правда, 1975. С. 229.

** Там же. С. 230.

Этот “несчастный, обделенный брат”, о котором столько говорили, которого так жалели, спросил, наконец, где же *его* доля во всех благах, в чем *его* свобода, *его* равенство, *его* братство»*.

Герцен, не оставляя своих либеральных убеждений (их основа, по-прежнему, — «свобода лица»), был готов принять этот вызов демократизма — его идеалом общественного служения всегда были «политические Дон-Кихоты» наподобие Дж. Гарибальди и Дж. Мадзини.

Между тем русские оппоненты Герцена — либералы-государственники К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин и др. предпочли охранение элитарных свобод, теперь уже не только от самовластья верхов, но и от посягательств проснувшихся низов. Результат этого спора внутри либерального лагеря известен — в России не удалось удержать ни демократии, ни либерализма...

Социализм против «азиатчины»

Разработка А. И. Герценом концепции «русского социализма», вопреки многим представлениям, нисколько не отличала его от русско-европейской либеральной традиции. Напротив, «социализм» Герцена, как он его понимал, — это способ сбережения «свободы лица», форма защиты цивилизации от наступления «новой китайщины». Очень характерно, что во многих работах Герцен ставит «русский социализм» в один ряд с «американской моделью». Он неоднократно высказывает мысль, что для своего спасения европейская цивилизация должна получить новый импульс со стороны молодых, свежих наций: «Мы ничего не пророчим; но мы не думаем также, что судьбы человека пригвождены к Западной Европе. Если Европе не удастся подняться путем общественного преобразования, то преобразуются иные страны; есть среди них и такие, которые уже готовы к этому движению, другие к нему готовятся». Для Герцена было несомненно, что одна из этих молодых наций, которой принадлежит будущее, — это Северо-Американские Штаты;

* Там же. С. 267.

другой, возможно, станет Россия — «полная сил, но вместе и дикости»*.

Итак, разочаровавшийся в современной ему Европе, Герцен вовсе не отказывается от принципов «свободы лица», как хотели представить дело его антизападнические, в том числе большевистские интерпретаторы. Герцен оказывается вовлечен в общеевропейский кризис жизни и сознания, и он, вместе с западными мыслителями, настойчиво ищет пути выхода, ибо, по его глубокому убеждению, исход борьбы «старого европеизма» и «новой китайщины» еще вовсе не предрешен. Спасти личностное начало или окончательно утратить его — процесс вероятностный, и Герцен неоднократно подчеркивает, что все зависит от способности свободных личностей противостоять давлению среды и принудительной нивелировке.

Боль за русского человека

Размышления о судьбе Европы всегда являлись для А. И. Герцена выражением боли за те «колоссальные уродства», которым подвергается человеческая личность в России. В работе «С того берега» (1849) эти мотивы звучат особенно отчетливо. Слова Герцена, написанные им полтора века назад, впрочем, полностью применимы и по отношению к русскому двадцатому, веку, да и к сегодняшним дням — в немалой степени: «Мы выросли под террором, под черными крыльями тайной полиции, в ее когтях; мы изуродовались под безнадежным гнетом и уцелели кой-как... Томимые желанием знать, мы подслушиваем у дверей, стараемся разглядеть в щель... Мудрено ли после этого, что мы не умеем уладить ни внутреннего, ни внешнего быта, лишнее требуем, лишнее жертвуем, пренебрегаем возможным и негодуем за то, что невозможное нами пренебрегает; возмущаемся против естественных условий жизни и покоряемся произвольному вздору»**.

* Герцен А. И. О развитии революционных идей в России // Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. Т. VII. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 148–149.

** Герцен А. И. С того берега // Герцен А. И. Собр. соч.: в 8 т. Т. III. М.: Правда, 1975. С. 239.

В итоге, в России, по мысли Герцена, начал доминировать тип «псевдоевропейцев» — людей, которых он часто называл «амфибиями» и главными видовыми признаками которых считал неумение ни сохранить русскую традицию, ни усвоить западную цивилизацию. В поздних «Письмах к противнику» (1865) Герцен отмечал, что, в результате ориентации русского самодержавия на «прусские образцы», худшие свойства немца приобрели в России гипертрофированное и опасное выражение: «В мещанском мизере немецкой жизни фельдфебельству негде было расправить члены; на русском черноземе благодаря помещицкому закалу оно быстро развилось до заколачивания в гроб и до музыки в шпорах»*. Герцен определял существо правящего класса в России как сращение «немецкого бюрократа» с «византийским евнухом».

Между тем, по мнению Герцена, не менее опасный тип личности формируется и в среде русской оппозиции. Горестные оценки изуродованной русской личности с особой силой ставили перед Герценом вопрос: кто же в таких условиях способен в России взять на себя инициативу освобождения? Его очень беспокоил нарождающийся тип человека, в сегодняшнем дне абсолютно «лишнего», и именно поэтому часто готового все растоптать в истовом стремлении в «день завтрашний». Герцен называл эту новую породу русских, народившуюся в годы николаевского безвременья, «желчными людьми», «желчевиками»: «Первое, что нас поразило в них, — <...> злая радость их отрицания и страшная беспощадность <...>. Там, где наш брат останавливался, оттирал, смотрел, нет ли искры жизни, они шли дальше пустырем логической дедукции и легко доходили до тех резких, последних выводов, которые пугают своей радикальной бойкостью <...>. В этих выводах русский вообще пользуется перед европейцем страшным преимуществом, у него нет ни традиции, ни родного, ни привычки»**.

* Герцен А. И. Письма к противнику // Герцен А. И. Соч.: в 2 т. Т. II. М.: Мысль, 1985. С. 426.

** Герцен А. И. Лишние люди и желчевики // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. XIV. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 322–323.

Таким образом, проблема, по Герцену, состояла в том, что новый тип русского оппозиционера — прямой результат насильственной, а потому поверхностной и ненадежной европеизации России: «Всего безопаснее по опасным дорогам проходит человек, не имеющий ни чужого добра, ни своего. Это освобождение от всего традиционного доставалось не здоровым, юным натурам, а людям, которых душа и сердце были поломаны по всем составам <...>. Чему же удивляться, что юноши, вырвавшиеся из этой пещеры, были юродивые и больные?»*. Герцен очень опасался, что именно эти «новые люди», которым в России *«нечего терять»*, начнут в скором времени определять будущее страны. К несчастью, он не ошибся...

Есть ли спасение?

В каком же направлении Герцен ищет выход из тисков псевдоевропеизации? Его европеистская ипостась не приемлет возвращения назад, в допетровскую Московию. Ведь «кнут, батоги, плети являются гораздо прежде шпицрутенов и фухтелей». Но и идти вперед по дороге, по которой ведет «цивилизатор с кнутом в руке, с кнутом же в руке преследующий всякое просвещение», Герцен не хочет. И он приходит к нетривиальному выводу: вернуться надо, но не к «диким формам» допетровской Руси, а к ее преображенному *«человеческому содержанию»*. На место волевого усилия «царя-реформатора», которого ранний Герцен искренне считал адекватным заменителем европейской Реформации («у нас целый переворот, кровавый и ужасный, заменился гением одного человека»), должна прийти подлинная Реформация, как переосмысление национальных первоисточков — низовой демократии, не покоренной ни «татарством», ни «немецтиной». Фактически именно русскую Реформацию Герцен и называл «русским социализмом».

Только в этом контексте можно понять отношение Герцена к русской общине. Именно в сложности герценовской

* Там же. С. 323.

позиции лежит разгадка того факта, что, спустя несколько десятилетий, деятели русского земского движения смогли с полным правом записать Герцена в ряд родоначальников «либерального земства».

Герцен никогда не идеализировал общину, но и не мог не отметить, что община, при всех ее недостатках и даже пороках, — едва ли не единственный институт, который во всех драматических коллизиях русской истории оказывался способным уберечь остатки «свободы лица». В работе «Русский народ и социализм» (1851) Герцен перечислял эти несомненные заслуги русской общины в деле сбережения личности от натиска внешних принудительных форм: «Община спасла русский народ от монгольского варварства и от императорской цивилизации, от выкрашенных по-европейски помещиков и от немецкой бюрократии. Общинная организация, хотя и сильно потрясенная, устояла против вмешательства власти»*. А в известных «Письмах Линтону» (1854) Герцен в наиболее четком виде сформулировал те принципы, которые русская община имеет шанс (именно шанс — не более!) реализовать, чтобы обеспечить в конечном счете свободное развитие личности. Главное здесь в том, что община для Герцена — это возможный фундамент «очеловеченной собственности», народного низового самоуправления и представительства — модель, которую затем необходимо распространить на все общество.

Герценовский расчет на общинное самоуправление, как прообраз будущего *общенационального гражданского общества*, оказался несостоятельным. Но это была еще одна — попытка ответить на общий вопрос, волнующий русских либералов: как в России пройти между Сциллой реакции и Харибдой революции? Как уберечь на этом пути человеческую личность и ее достоинство? «Третий путь» Герцена не был реализован — впрочем, точно так же, как и все иные либеральные предложения.

* Герцен А. И. Русский народ и социализм // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. VII. С. 323.

Что ж, Александр Иванович Герцен был абсолютно русским человеком и, несмотря на свою гениальность, вполне подпадал под им же самим сформулированные гениальные определения русскости: «...нам хочется алхимии, магии; а жизнь и природа равнодушно идут своим путем, покоряясь человеку по мере того, как он выучивается действовать их же средствами»*.

* Герцен А. И. С того берега // Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. Т. VI. С. 24.